

Садовой А. Н. Нормы обычного права в предметном поле этнологических экспертиз // А. Н. Садовой // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 410—424. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-410-424.

Sadovoy, A. N. (2017). Customary Law in Subject Field of Ethnological Examinations. *Nauchnyy dialog*, 11: 410-424. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-410-424. (In Russ.).

УДК 39:340.141

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-410-424

Нормы обычного права в предметном поле этнологических экспертиз

© Садовой Александр Николаевич (2017), orcid.org/0000-0002-2153-6459, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (Сочи, Россия), sadovoy@ gmail.com.

В статье поднимается вопрос о включении в предметное поле этнологических экспертиз в качестве самостоятельного раздела, посвященного функционированию в среде исследуемых этнических групп норм обычного права. Актуальность разработки определяется проявлением этого феномена как устойчивого фактора стабилизации (регулятора) этносоциальной обстановки в ряде субъектов РФ. Кроме того, отмечается двойственное отношение к этому феномену со стороны региональных органов власти. На основе опыта проведения этнологических экспертиз предлагается формализация первичных данных, полученных в процессе полевых работ, по пяти ключевым признакам, определяющим место норм обычного права в действующих правовых системах. Автор акцентирует внимание на необходимости анализа взаимодействия двух этносоциальных процессов: сохранения (формирования) социальных институтов, в функции которых входит регулирование социальных отношений на основе норм обычного права, и развитие широкого спектра форм этнического предпринимательства. Доказывается, что изменение предметной области следует осуществить на основе корректировки исследовательских процедур и перечня основных индикаторов в типовых регламентах этнологических экспертиз.

Ключевые слова: нормы обычного права, этнологические экспертизы, этническое предпринимательство.

1. Введение

Под нормами обычного права (далее НОП) в широком смысле понимаются «неписанные» или «некодифицированные» нормы, направленные на регуляцию поведения личности и социумов, с которыми эта личность

себя идентифицирует. Под кодификацией в правовой литературе, как правило, подразумевается форма переработки (систематизации) действующих нормативных актов в определенной сфере отношений, способ качественного упорядочения законодательства, обеспечения его согласованности и компактности, а также «расчистки» нормативного массива, освобождения от устаревших, не оправдавших себя норм. Содержание термина определяет двойственное отношение к НОП как механизму регуляции традиционных социальных отношений («из поколения в поколение») в среде этнических меньшинств, включенных в государство.

С одной стороны, эти нормы могут быть интегрированы в правовое поле путем принятия отдельных нормативных актов, определяющих особый правовой статус этнических меньшинств. В качестве широко известных примеров преемственности и глобального характера этого курса можно назвать ряд нормативных актов: Устав об управлении инородцами М. М. Сперанского 1822 года [Устав об управлении ..., 1922], Alaska National Interest Land Conservation Act (ANCLA) [ANCLA, 1980]; Alaska Native Claims Settlement Act [ANCSA, 1971] и др.

С другой, НОП могут активно отторгаться государством, заинтересованным в создании единого (унифицированного) правового поля. Этот курс последовательно проводился в СССР с 1929 года.

При этносоциальном аспекте, характерном для этнологических экспертиз [Степанов, 2002; Мурашко, 2006; Садовой, 2013, с. 67—83; Поддубиков и др., 2014 и др.], НОП рассматриваются в качестве культуры жизнеобеспечения — составляющей традиционной культуры этноса или этнической группы. Это позволяет анализировать данный феномен в качестве проявления одной из форм коммуникации, обеспечивающей сохранение самоидентификации (родовой, этнической), этнической территории, традиционной хозяйственной специализации. Если признавать НОП как форму регуляции «производственного цикла» вне зависимости от среды (сельской и городской), то здесь прослеживаются перспективы оценки его как элемента регуляции в сфере этнической экономики и этнического предпринимательства [Садовой, 2012, 2014; Sadovoy, 2015]. В связи с этим выявление и анализ НОП, осуществляемые в ходе этнологических экспертиз, ориентированы на выявление неправовых (с позиции государственных структур) регуляторов социальных отношений, выступающих источниками дестабилизации этносоциальной обстановки. Здесь прослеживаются перспективы подключения к этнологическим экспертизам специалистов в области семейного, гражданского и имущественного права и реализации этнопотестерного подхода. При последнем внимание ис-

следователей акцентируется на генезисе системы НОП, характере ее взаимодействия (в статике и динамике) с «внешней средой — социальными институтами, представляющими как органы государственной власти, так и клерикальные организации. Также подразумевается, что НОП, как составляющая формы коммуникационных связей традиционных социальных институтов этнических меньшинств с органами государственной власти, однозначно имеют «естественный» (имманентный) характер. Эта установка в какой-то мере определяет ситуацию, при которой НОП, как научная категория, отнесена сторонниками «государственной школы» отечественной историографии к концепциям «естественного права» и «общественного договора». Обе теории с конца XVII — начала XVIII веков являются теоретическим обоснованием механизма возникновения государственных структур. На этом следует акцентировать внимание, поскольку в современной историографии эти идеи активно используются при попытках придать традиционным социальным институтам автохтонного населения Западного Кавказа XIX века черты «национальной государственности» [Белозерова, 2017, с. 139—141].

2. Методология и методы исследования

Алгоритм выявления НОП в ходе этнологических экспертиз и регионального мониторинга основан на нескольких вариантах (научном инструментарии) компаративного анализа. Так, при использовании сравнительно-типологического анализа акцентируется внимание на нескольких вариантах (моделях) воздействия НОП на общее состояние этносоциальной обстановки. С одной стороны, на основании анализа этнографических источников (по двум и более хронологическим срезам) аргументируется преемственный характер тех норм, которые относят к НОП. Так, фиксирование определенного порядка в наследовании семейной собственности, характерного для той или иной этнической группы, аналогичного выявленному исследователями (очевидцами) XIX — начала XX веков, дает основание считать, что мы сталкиваемся с нормами обычного права в случае: а) если эти нормы не коррелируют с законодательством, определяющим регуляцию государством семейных отношений на этих двух хронологических срезах; б) если эти нормы не имеют прямого отношения к конфессиональным установкам, свойственным мировым религиям. С другой стороны, при анализе НОП не стоит сводить сравнительно-типологический анализ к методу выявления «архаичных» социальных институтов». Зафиксированная в ходе экспертизы «норма» может оказаться «пережитком», явлением, хотя и исторически значимым, но не распространенным в среде

изучаемого этноса, то есть нетипичным. В результате этнографическое монографическое описание этого явления не имеет никакого отношения к «выборочным исследованиям». Выявленный феномен не имеет признаки репрезентативности. И, следовательно, может не иметь существенного влияния на исключительно широкий спектр коммуникаций, определяющий состояние этносоциальной обстановки. В лучшем случае ход описания этого элемента традиционной культуры будет тождественен приему «case study», характерному для англо-американской историографии. В том же случае если выявленная норма имеет более широкое распространение, она органически «вписывается» в процедуру определения механизма (комплекса причинно-следственных связей) трансформации традиционных социальных институтов и свойственного им «правого поля». Поэтому перспективно использование системного подхода и той составляющей компаративного анализа социальных институтов, которая ориентирована на выявление их генезиса (сравнительно-генетический метод).

3. Признаки проявления норм обычного права

Как уже отмечалось, в ходе этнологических экспертиз внимание исследователей необходимо сконцентрировать на тех регуляторах (нормах) социальных отношений, которые сами респонденты считают неотъемлемыми действующему законодательству, то есть на нормах, которые предположительно имеют этническую специфику и четко выраженный преемственный (традиционный) характер. Обосновать их принадлежность к категории НОП предполагается на основе выявления и описания свойственных им (имманентных) признаков, принятых в региональной историографии [Белоусов, 2004, с. 178—182].

3.1. **Устойчивость.** Раскрывается через употребляемую в этнической социологии категорию «социальная устойчивость» — состояние этнических (социальных) групп, выраженное через стабильность экономического положения традиционных социальных институтов (семьи, патронимии, кланов и т. д.) и состоящих в них членов, обладающих способностью к самообеспечению, воспроизводству жизнедеятельности и развитию экономической активности. В связи с этим для определения алгоритма выявления практики применения НОП представляют интерес традиционные (в представлении респондентов) технологии регуляции и нейтрализации конфликтных ситуаций — как возникающих внутри этнической группы, так и складывающихся во взаимоотношении с внешней средой, включая государственные институты. В качестве примеров можно привести правовые нормы, используемые автохтонным населением горно-таежных рай-

онов Алтае-Саянского экорегиона при регуляции промыслов в границах «этнической территории» и основанные на «признании» приоритетных прав отдельных семей на использование природных ресурсов в границах строго определенных биотопов [Онищенко и др., 2001], а также действующую в настоящее время на Северном Кавказе систему регуляции социальных отношений на основе такого института, как «кровная месть» [Албогачиева, 2017].

3.2. *Тождественность системе «прецедентного права».* Этот признак акцентирует внимание на принципиальном отличии практики применения НОП от романо-германской (континентальной) правовой системы, при которой судьи руководствуются в первую очередь нормативными актами. «Принципы» права при принятии решения могут как учитываться, так и нет. В отличие от этой системы, характерной и для советского периода, система регулирования конфликтных ситуаций в «традиционном обществе» на основе НОП во многом похожа на сложившуюся в Великобритании, где судья обязан принимать во внимание нормы и принципы и аргументировать свою позицию на основе «прецедента» (common law). Сближает обе правовые практики отсутствие отраслей права и деления права на частное и публичное. Одним из наиболее ярких признаков британской системы является то, что принятое решение по конкретной правовой ситуации (индивидуальному акту) принимает качество прецедента права — нормы. В настоящее время в английском праве, охватывающем, помимо Великобритании, ряд государств Америки, Африки и Океании, насчитывается более 350,0 тысяч прецедентов, являющихся основой для «системы общего права».

Отношение к этой системе и перспективах ее интеграции в правовое поле национальных районов РФ в российском научном сообществе двойственное. Наиболее отчетливо оно отражается в позиции д.ю.н., проф. А. Я. Курбатова, отметившего, что, с одной стороны, в РФ нет «ярких противников сближения правовых систем и усиления роли судов в механизме правового регулирования», а с другой, в российской правоприменительной практике уже присутствуют прецеденты, «когда это сближение осуществляется в обход Конституции РФ и законов, ломая систему сложившихся юридических понятий» [Курбатов, 2011].

При этносоциальном аспекте анализа феномена ОП представляет интерес то, что в британской правовой системе «правой прецедент» тождествен таким категориям, как исторический факт (фиксация события) и «историографический факт» (зафиксированная в письменном источнике оценка события, трактовка его содержания, придание ему социально-культурной

значимости). В этом контексте НОП как проявление традиционной культуры обладает ее системообразующим признаком — крайне сложной для выявления и интерпретации взаимосвязи процессов трансляции ценностно-смысловых структур и культурных технологий [Тимошук, 2007; Бадмаев, 2017, с. 3]. В традиционном обществе историческая память, включая опыт регуляции конфликтов как процесса, опирающегося на прецеденты, сохраняющиеся в памяти, приобретает значимость регулятора — культурной технологии. В результате на носителей исторической памяти, как правило, представителей старшего поколения, социумом распространяется: «право» судопроизводства, вне зависимости от того, имеют они юридическое образование или нет; ориентированы на соблюдение государственных норм или руководствуются исключительно родовыми или этническими интересами. Эта ситуация не является архаизмом, характерным для развивающихся стран. Она обычна и для ряда стран, прошедших этапы индустриального и постиндустриального развития. В качестве примера можно привести ту же Великобританию XIX века.

3.3. Повелительно- (обязывающий) представительный характер.

Раскрывается через выявление взаимосвязи обязанностей и прав, предоставляемых личности. Этот признак проявляется в осознании явления (факта), что для носителей «традиционной» культуры законодательство страны, в которое интегрирован этнос, рассматривается в качестве «вторичного» по отношению к НОП — особенно в кризисные для государства периоды (распад, потеря суверенитета, война), когда сохранение традиционных социальных институтов и более жесткое следование НОП выступают регулятором сохранения уже не столько этнической самоидентичности, этноса, сколько жизни, благосостояния, воспроизводства его представителей. Связано это с тем, что любая форма «включения» в традиционные социальные институты тождественна получению «защиты» от «внешней среды». В качестве примера можно привести случаи осознанного прохождения этнографами обряда инициации, получения «родового имени». С одной стороны, это снимало проблемы интеграции в изучаемое сообщество и существенно расширяло доступ к латентной (скрытой) информации; с другой — определяло принятие исследователем обязательств по оказанию любой формы помощи своим новым «родственникам» по первому требованию. В этой плоскости можно рассматривать и широко распространенную в национальных районах РФ практику сокрытия лиц, совершивших преступления, в кругу представителей своего рода, этноса, «землячества»; оказание финансовой и материальной помощи молодым семьям, предпринимателям и т.д.

3.4. **Обязательность соблюдения.** В регионоведении в качестве оснований обязательности соблюдения НОП (как типобразующего признака) рассматриваются или «традиция», или «какой-либо авторитет» [Белоусов, 2004]. В связи с этим в ходе проведения экспертиз часто возникает вопрос: насколько сохранение этого феномена традиционной культуры вписывается в основные тренды формирования «социального» («правового») государства и гражданского общества? Не менее актуальны и другие вопросы: чем определяется выбор в следовании нормам обычного права, если они входят в прямое противоречие с санкционированными государством нормами? Является ли этот выбор осознанным признаком группового или индивидуального сознания?

Если анализировать проблему с традиционных для этнологии позиций (этносоциальный аспект), то обязательность выполнения НОТ в условиях современного («цивилизованного») общества является осознанным выбором личности. Необходимость сохранения традиционных социальных институтов рассматривается как условие успешной адаптации к динамично меняющейся политической, социально-экономической и этносоциальной обстановке. В связи с этим встречающиеся в историографии суждения о том, что НОП являются анахронизмом и пережитком, которому обязаны противостоять не только органы власти, но и институты гражданского общества, не выдерживают никакой критики. Объективно это может привести только к дестабилизации этносоциальной обстановки.

Прослеживается два фактора, определяющих взаимосвязи между «устойчивостью» и «обязательностью» (как признаками НОП). Первым является обычная для традиционного общества сакрализация НОП. Как показывают полевые материалы, в этносах, не отнесенных к последователям канонов мировых религий, существует во многом идентичная религиозной система «запретов». Эта система проявляется на уровнях: семья, кровно-родственные объединения / патронимии, сельские анклав / городские кварталы, религиозные общины (приходы, уммы), этническая группа. Нормы всегда имеют четко выраженный нравственный характер, определяя трактовку любого поступка на основе оценки прецедентов в прошлом как «типичный / моральный» или «нетипичный / аморальный». В том случае если сельский анклав тождествен приходу (в христианстве) или умме (в мусульманстве), оценка осуществляется на основе религиозных установок лидерами конфессий. В случае их отсутствия, что было обычной ситуацией в «советский период», когда государство активно противодействовало клерикальным организациям, система религиозных установок, теряя сакральный характер, подменялась НОП. Последние опираются

на авторитет старших (семья), на уровне сельских анклавов — на авторитет «старейшин», статус которых может обуславливаться не только жизненным опытом, но и, как это ни странно звучит, занимаемой должностью во «внешних» социальных институтах (государственных, общественных, конфессиональных и т. д.). Ослабление позиций государства и усиление позиций клерикальных организаций объективно приводит к обратному процессу — последовательной сакрализации морально-этических запретов и допусков. Этот процесс характерен для современной этносоциальной обстановки Северного Кавказа, где прослеживается крайне сложная для исследования система взаимодействия норм «адата» и «шариата», охватывающих практически все сферы повседневной жизни.

Второй фактор, обуславливающий осознанный характер «обязательности» выполнения НОТ, имеет четко выраженный социально-экономический характер. Это связано с тем, что вхождение первичной социальной ячейки в традиционные социальные образования резко повышает ее устойчивость, снижает риски «маргинализации» ее членов, формирует «социальные лифты» для подрастающих поколений. Простая полная семья, относимая в настоящее время к «среднему классу», имеет суженные возможности сохранения своей структуры и собственности в кризисные для государства периоды, когда предоставляемый социальный пакет не обеспечивает минимального прожиточного минимума ее членам. Это отчетливо проявилось в начале 1990-х годов, когда в национальных районах стала прослеживаться тенденция «укрупнения» семей (повышенный удельного веса сложной двух-трехпоколенной семьи), проявления различных форм «семейного» бизнеса, концентрации бывшей колхозной собственности и земель в руках отдельных кланов.

В соответствии с традиционной системой ценностей осознанное несоблюдение НОП тождественно отторжению традиционными социальными институтами впредь до исполнения нарушенных норм. Эта система действует вплоть до настоящего времени даже в индустриально развитых странах. В качестве примера можно привести «деревенские корпорации» (сельские анклавы) Аляски (США), которые в 1990-е годы ввели на «своей» (этнической) территории запрет на продажу, покупку, хранение, потребление алкоголя. Санкции за нарушение — предупреждение со стороны старейшин, кратковременная высылка нарушителя за пределы корпорации, полный разрыв — входят в полное противоречие с правами и свободами членов анклавов как американских граждан. Однако система НОП, выявленная в ходе полевых исследований [Садовой, 1997, 2000, ЭМА], отличалась устойчивостью, динамичностью и обязательностью. Она охватывала не только резидентов

(жителей поселков), но и приезжих. Специфика ситуации заключалась в том, что пакет социальных преференций, предоставляемых представителям коренных малочисленных народов (natives), мог быть реализован только в пределах национальных сельских анклавов, а не за его пределами. Выселение нарушителя фактически было тождественно потере преференций.

И в прошлом, и в настоящем времени обязательность выполнения НОП, как и вхождения в традиционные социальные институты, остается осознанным выбором личности. Это касается и выбора степени необходимости выполнения действующего законодательства. В данном отношении отмечаемые специалистами тенденции возврата к системе традиционного регулирования в районах со сложным этническим и конфессиональным составом не столько свидетельствует о «слабости» государства, сколько является формой адаптации этнических меньшинств к динамично меняющейся системе внутри- и межгосударственных коммуникаций.

3.5. Иерархическая соподчиненность определяется характером организации традиционного общества, определяемого включением в каждый из социальных институтов (патронимии, рода, сельской общины / прихода / уммы и т. д.) в качестве первичного элемента — сложной многопоколенной семьи. Связано это с тем, что традиционная правовая система не ориентирована на личность. При любом нарушении норм обычного права санкции возлагаются на «фамилию» (род), который в свою очередь и обладает исключительным правом наказания нарушителя. Следует отметить, что нет традиционной правовой системы, которая бы не опиралась на традиционную социальную стратификацию. В качестве широко известного примера можно привести права, которыми обладали носители «княжеских» и дворянских фамилий в среде адыгских субэтносов Северного и Западного Кавказа. Они в XIX веке признавались как «аристократическими», так и «демократическими» племенными объединениями. Уважительное отношение к фамилиям, владеющим в прошлом «фамильными башнями» в Ингушетии, сохраняется вплоть до настоящего времени. Княжеский статус линии Абашидзе (Аджария) вплоть до настоящего времени не потерял ресурса в политической истории Грузии. Сохранение в исторической памяти этносов РФ «вклада» отдельных фамилий (родовых объединений) повсеместно фиксировалось этнографами и в советский период. Отдельными представителями советско-партийной и творческой элиты подчеркивалась генетическая связь с дореволюционными «правлящими классами», и это стало исключительно популярно с начала 1990-х годов.

В предлагаемой в регионоведении схеме иерархичность как один из основных признаков системы, определяющих ее целостность, может подме-

няется понятием «многосубъектность, отражающая права различных уровней». При этом из всех социальных институтов «сакральная» характеристика придается исключительно общине, рассматриваемой в качестве «самоуправляющегося коллектива, обеспечивающего соблюдение норм обычного права». Остальные традиционные социальные институты (союз общин, союз племен и т. д.) рассматриваются как «ассоциированные надстроечные группы, формирующие свою систему обычного права за счет обычно-правовых норм союзников» [Белоусов, 2004]. В случае если предметная область исследования НОП ограничивается началом XX столетия и сельскими анклавами национальных районов Российской империи, признающими приоритет норм обычного права над нормами мировых религий, то проводимый в регионоведении тезис не вызывает особых возражений. Для этносоциальной ситуации, сложившейся в пограничных районах Российской империи, всегда отличавшихся сложным этническим составом, эта ситуация была типичной. Однако предлагаемый методологический подход в оценке природы общины как субъекта, «сакрализирующего» НОП на современном этапе, имеет при оценке внутри- и межэтнических коммуникаций в городской среде крайне узкие операционные возможности. Связано это с тем, что практика правоприменения НОП возможна и при формировании тех форм бизнеса, которые отнесены к «этническому предпринимательству» [Sadovoi, 2015; Садовой 2015], и в случаях обеспечения «вертикальной мобильности» (поступление в высшие учебные заведения, занятие «престижных должностей», вхождение в силовые структуры и власть и т. д.) для представителей «своего» рода и этнической группы в «чуждом» этническом и конфессиональном городском окружении. Эта ситуация характерна для многих мегаполисов и агломераций не только РФ, но и зарубежных стран. Во многом она определяется тем, что родовая и этническая самоидентификация, реализуемая и через соблюдение НОП, является необходимым условием социальной мобильности, так как в ее основе лежит гарантия «выживания» семей и их интеграции в чуждую этническую, конфессиональную и цивилизационную среду. Как в сельской местности, так и в современных городах субъектами НОП выступают семьи, а не составляющие их индивиды. При этом роль «общины» и представляющих ее «старейшин», являющихся носителями правовых традиций, может и не прослеживаться. Она уступает место иным «авторитетам», определяющим соответствие линии поведения представителей «землячества» уже «своим» представлениям о НОП, которые трансформируются в соответствии с изменением внешней среды. В качестве примера можно привести повседневную жизнь «китайских» (china town), «мусульманских» и иных кварталов в мегаполисах США, Европы и СНГ, далеко

не всегда «открытых» для силовых структур. Та же ситуация сохраняется в отдельных «резерватах», отведенных государством коренным малочисленным народам. Так, в конце 1990-х в деревенских корпорациях Аляски нами отмечалась практика, при которой полиция допускалась к осуществлению следственных действий только по согласованию с лидерами общин (Chiefs) и не вмешалась в сферу имущественных отношений внутри общины. В анклавов была сформирована система общинных судов, не интегрированных в правовую систему США, но имеющих однозначную поддержку членов общин [ЭМА, Аляска, 1997, 2001].

4. Выводы

Система правоприменения НОП во многих сферах жизнеобеспечения этнических меньшинств имеет латентный характер. В связи с этим возникают серьезные проблемы как при оценке этносоциальной обстановки, так и при формировании прогноза ее развития. Это определяет внесение системы правовой регуляции, внутри- и межэтнической коммуникации в предметное поле этнологических экспертиз и регионального этнологического мониторинга в качестве самостоятельного раздела. На этапе камеральной разработки в состав исследовательских групп необходимо включать юриста. С учетом сакральной (конфессиональной) составляющей НОП резко повышаются требования к внешним экспертам, представляющим этнические интересы изучаемых анклавов.

При выявлении и анализе НОП необходимо рассматривать этот социальный институт как динамично меняющуюся, многоуровневую, иерархически соподчиненную систему коммуникаций. Учитывая отсутствие в НОП «отраслей права», особое внимание необходимо сконцентрировать на характере изменений механизма (причинно-следственных связей) регуляции: а) брачно-семейных отношений; б) использования ресурсов этнической территории (сфера производственных отношений / кооперации); в) имущественных отношений (включая земельные); г) договорных и обязательственных отношений в сфере этнического предпринимательства; д) уголовных (с позиции представителей силовых структур) правонарушений.

Изменение предметной области следует осуществить на основе корректировки исследовательских процедур и перечня основных индикаторов в типовых регламентах этнологических экспертиз.

Источники и принятые сокращения

1. АКМНССиДВ — *Ассоциация* коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

2. ПСЗ-1 — Полное собрание законов Российской империи.
3. *Устав* об управлении инородцами / сост. М. М. Сперанский // Полное собрание законов Российской империи. — Т. 38 (1822—1823). — № 29.126. — Санкт-Петербург : Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — С. 394—417.
4. ЭМА — *Экспедиционные материалы* автора.
5. ANCLA — *Alaska National Interest Land Conservation Act*. Public law 96—487. December 2, 1980.
6. ANCSA — *Alaska Native Claims Settlement Act*. Public law 92-203 : 92nd Congress December 18, 1971.

Литература

1. Албогачиева М. Кровная месть [Электронный ресурс] / М. Албогачиева. — 15.09.2012. — Режим доступа : <http://www.vainahkrq.kz/e/3118862-krovnaya-mest>.
2. *Бадмаев А. Н.* Традиционная культура жизнеобеспечения бурят : генезис, эволюция, трансформация : автореферат диссертации ... доктора исторических наук / А. Н. Бадмаев. — Новосибирск : 2017.
3. *Белозерова М. В.* Социальные институты черкесов в оценках региональной историографии 2000-х годов / М. В. Белозерова // Археология и этнография Кавказа и Крыма. Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А. В. Гадло (1937—2002) 6—8 апреля 2017 года. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2017. — С. 139—141.
4. *Белоусов В. М.* Обычное право [Электронный ресурс] / В. М. Белоусов // Регионоведение : учебное пособие. / отв. ред. Ю. Г. Волков. — Ростов на Дону : Феникс, 2004. — С. 178—182. — Режим доступа : <https://studfiles.net/preview/1620392>.
5. *Курбатов А.* Прецедентное право в России : пренебрежение к законам и усугубление проблем правоприменения [Электронный ресурс] / А. Курбатов // Закон. — 2011. — № 4. — С. 103—110. — Режим доступа : <https://zakon.ru/discussion/2011/5/4/>.
6. *Мурашко О. А.* Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы / О. А. Мурашко. — Москва : АКМНССиДВ, 2006. — 107 с.
7. *Онищенко С. С.* Промысловое землепользование в южной части Шории / С. С. Онищенко, В. В. Поддубиков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии ИАиЭ СО РАН. — Новосибирск : Издательство ИАиЭт СО РАН, 2001. — Т. 7. — С. 569—573.
8. *Поддубиков В. В.* Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов : методы прикладной этнологии / В. В. Поддубиков, А. Н. Садовой, М. В. Белозерова. — Кемерово : Практика, 2014. — 358 с.
9. *Садовой А. Н.* Промежуточные итоги полевых работ на Аляске / А. Н. Садовой // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы V годовой сессии ИАиЭт СО РАН. — Новосибирск : Издательство ИАиЭт СО РАН, 1997. — С. 408—411.

10. *Садовой А. Н.* Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске / А. Н. Садовой // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. — Новосибирск : Издательство ИАиЭт СО РАН, 2000. — Вып. 1. — С. 78—99.

11. *Садовой А. Н.* Традиционная хозяйственная специализация и этническое предпринимательство как объект полевых исследований / А. Н. Садовой // Теория и практика исследования этнокультурных комплексов. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 65-летию со дня рождения В. А. Козьмина. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2015. — 136 с.

12. *Садовой А. Н.* Черноморское побережье Кавказа. Этническое предпринимательство в системе межкультурных коммуникаций / А. Н. Садовой // Homo communications II: человек в пространстве межкультурной коммуникации — Щецин (Польша), 2012. — С. 239—244.

13. *Садовой А. Н.* Этническое предпринимательство как объект исследования: механизм адаптации и демографические аспекты / А. Н. Садовой // Историческая этнография. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2014. — Вып. 5. — С. 29—34.

14. *Степанов В. В.* Этнологическая экспертиза / В. В. Степанов // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. — Москва : Стратегия, 2002. — С. 241—261.

15. *Тимошук А. С.* Традиционная культура : сущность и существование : автореферат диссертации ... доктора философских наук [Электронный ресурс] / А. С. Тимошук. — Нижний Новгород, 2007. — Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/traditsionnaya-kultura>.

16. *Sadovoy A.* Ethnic Entrepreneurship in the interaction of environmental organizations, national associations and regional authorities. Russian experience in the Caucasus and Altai-Sayan ecoregions / A. Sadoovoy // Development, Resources and Livelihood. Proceeding International Seminar. — Hyderabad (India) : University of Hyderabad (UGC-SAP), 2015. — P. 1—10.

Customary Law in Subject Field of Ethnological Examinations

© **Sadovoy Aleksandr Nikolayevich (2017)**, orcid.org/0000-0002-2153-6459, Doctor of History, professor, Head of Laboratory Ethno-Social Problems, Sochi Scientific and Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russia), sadovoy@gmail.com.

The article raises the question of the inclusion customary law in the subject field of ethnological examinations as a separate section devoted to functioning in the environment of the studied ethnic groups. The relevance of the development is the manifestation of this phenomenon as a sustained stabilization factor (regulator) of ethno-social situation in a number of subjects of the Russian Federation. In addition, there is an ambivalent

attitude to this phenomenon by regional authorities. Based on the experience of the ethnological expertise formalization of primary data obtained during field work is proposed on the five key features, defining the place of customary law in current legal systems. The author focuses on the need for analysis of the interaction of two ethno-social processes: the conservation (formation) of social institutions which function is the regulation of social relations based on customary law and development of a wide range of forms of ethnic entrepreneurship. It is proved that the change in the subject area should be based on correction of research procedures and a list of key indicators in the model regulations for ethnological assessments.

Key words: customary law; ethnological examination; ethnic entrepreneurship.

Material resources

- AKMNSSiDV — *Assotsiatsiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka*. (In Russ.).
- ANCLA — *Alaska National Interest Land Conservation Act*. Public law 96—487. December 2, 1980.
- ANCSA — *Alaska Native Claims Settlement Act*. Public law 92-203. 92nd Congress December 18, 1971.
- EMA — *Ekspeditsionnyye materialy avtora*. (In Russ.).
- PSZ-1 — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii*. (In Russ.).
- Speranskiy, M. M. (ed.). 1830. Ustav ob upravlenii inorodtsami. In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii*. Sankt-Peterburg: Tipografiya II otdeleniya sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. 38 (1822—1823): 394—417. (In Russ.).

References

- Albogachieva, M. 2012. *Krovnaya mest*. Available at: <http://www.vainahkrk.kz/e/3118862-krovnaya-mest>. (In Russ.).
- Badmayev, A. N. 2017. *Traditsionnaya kultura zhizneobespecheniya buryat: genezis, evo-lyutsiya, transformatsiya*: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Novosibirsk. (In Russ.).
- Belousov, V. M. 2004. Obychnoye pravo. In: Volkov, Yu. G. (ed.). *Regionovedeniye*. Rostov-na-Donu: Feniks. 178—182. Available at: <https://studfiles.net/preview/1620392>. (In Russ.).
- Belozerova, M. V. 2017. Sotsialnyye instituty cherkesov v otsenkakh regionalnoy istoriografii 2000-kh godov. In: *Arkheologiya i etnografiya Kavkaza i Kryma. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. V. Gadlo*. Sankt-Peterburg: SPbGU. 139—141. (In Russ.).
- Kurbatov, A. 2011. Pretsedentnoye pravo v Rossii: prenebrezheniye k zakonam i usugubleniye problem pravoprimereniya. *Zakon*, 4: 103—110. Available at: <https://zakon.ru/discussion/2011/5/4/>. (In Russ.).
- Murashko, O. A. 2006. *Etnologicheskaya ekspertiza v Rossii i mezhdunarodnye standarty otsenki vozdeystviya proektov na korennyye narody*. Moskva: AKMNS-SiDV. (In Russ.).

- Onishchenko, S. S., Poddubikov, V. V. 2001. Promyslovoye zemlepolzovaniye v yuzhnoy chasti Shorii. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. Materialy godovoy sessii IAiEt SO RAN*. Novosibirsk: IAiEt SO RAN. 7: 569—573. (In Russ.).
- Poddubikov, V. V., Sadovoy, A. N., Belozerovala, M. V. 2014. *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopolzovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii*. Kemerovo: Praktika. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N. 1997. Provezhutochnyye itogi polevykh rabot na Alyaske. In: *Noveyshiye arkheologicheskiye i etnograficheskiye otkrytiya v Sibiri. Materialy V godovoy sessii IAiEt SO RAN*. Novosibirsk: IAiEt SO RAN. 408—411. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N. 2000. Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya gvitchin basseyna r. Chandalar i regionalnaya natsionalnaya politika USA na Alyaske. In: *Traditsionnyye sistemy zhizneobespecheniya i regionalnaya natsionalnaya politika*. Novosibirsk: IAiEt SO RAN. 1: 78—99. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N. 2012. Chernomorskoye poberezhie Kavkaza. Etnicheskoye predprinimatelstvo v sisteme mezhkulturnykh kommunikatsiy. In: *Homo communications II: chelovek v prostranstve mezhkulturnoy kommunikatsii*. Shetsin. 239—244. (In Russ.).
- Sadovoy, A. N. 2014. Etnicheskoye predprinimatelstvo kak obyekt issledovaniya: mehanizm adaptatsii i demograficheskiye aspekty. In: *Istoricheskaya etnografiya*. Sankt-Peterburg: SPbGU. 5: 29—34. (In Russ.).
- Sadovoy, A. 2015. Ethnic Entrepreneurship in the interaction of environmental organizations, national associations and regional authorities. Russian experience in the Caucasus and Altai-Sayan ecoregions. In: *Development, Resources and Livelihood. Proceeding International Seminar*. Hyderabad (India): University of Hyderabad (UGC-SAP). 1—10.
- Sadovoy, A. N. 2015. Traditsionnaya khozyaystvennaya spetsializatsiya i etnicheskoye predprinimatelstvo kak obyekt polevykh issledovaniy. In: *Teoriya i praktika issledovaniya etnokulturnykh kompleksov. Tezisy dokladov nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 65-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Kozmina*. Sankt Peterburg: SPbGU. (In Russ.).
- Stepanov, V. V. 2002. Etnologicheskaya ekspertiza. In: *Obychay i zakon. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii*. Moskva: Strategiya. 241—261. (In Russ.).
- Timoshchuk, A. S. 2007. *Traditsionnaya kultura: sushchnost i sushchestvovaniye: avtoreferat dissertatsii ... doktora filosofskikh nauk*. Nizhniy Novgorod, 2007. Available at: <http://cheloveknauka.com/traditsionnaya-kultura>. (In Russ.).